

DOI 10.35775/PSI.2025.123.11.031

УДК 327

К.А. ЛАРИОНОВА

аспирант кафедры Политология

Дипломатической академии Министерства иностранных дел

Российской Федерации; Администратор проекта,

АО «Росатом энергетические проекты»,

Россия, г. Москва

E-mail: kamik909@mail.ru

SPIN-код 7435-7115

НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ: Р.Н. ШАНГАРАЕВ

доктор политических наук, кандидат экономических наук,

доцент, доцент кафедры стратегических коммуникаций и государственного

управления Дипломатической академии Министерства иностранных дел

Российской Федерации; главный редактор журнала

«Вестник ученых-международников»,

Россия, г. Москва

СЛОЖНАЯ ГЕОМЕТРИЯ: РОССИЯ, ТУРЦИЯ И НАТО НА ФОНЕ ВОЙНЫ В УКРАИНЕ

Исследование воссоздает меняющуюся конфигурацию евроатлантической безопасности, показывая, как британские инициативы «параллельной обороны», турецкая стратегия многовекторного балансирования и когнитивно-информационные инструменты воздействия переводят регион от иерархии НАТО/ЕС к сетевому режиму распределения мощности через «узлы сопряжения» (морские проливы, энергетические коридоры, технологические цепочки и когнитивные среды). **Целью** является аналитическая верификация сдвига к постгегемонистской полицентричности на фоне украинского кризиса и выявление роли Турции как автономного производителя норм, ЕС – как институционального «пограничья» между декларацией стратегической автономии и трансатлантической зависимостью, а также устойчивой линии системного разлома «Россия – Запад». Методологически работа опирается на институциональный и сравнительный анализ, элементы сетевого подхода и концепт анализ «гибридной войны» или «когнитивного противоборства»; источниковая база ограничена рецензируемыми публикациями и экспертной аналитикой. Научная новизна состоит в теоретико-практическом конструировании рамки «узлового управления безопасностью» и в операционализации идеи «Хельсинки 2.0» сетевого типа как механизма контроля конфликтно-динамических лестниц и суверенитета над критическими потоками (энергия, данные, финансы). Полученные результаты демонстрируют, что устойчивость будущего порядка задается не наращиванием фронтов, а институциональной гибкостью коалиций переменной геометрии от Черного моря до Восточного Средиземноморья; практическая значимость выражается в предложении параметров

политики сдерживания рисков и настройки режимов доверия для государств и интеграционных объединений, действующих в условиях эволюции правил без единого центра принуждения.

Ключевые слова: постгегемонистская полицентричность, узлы сопряжения, параллельная оборона, турецкий баланс, когнитивное противоборство, гибридная война, стратегическая автономия ЕС.

Введение. В последние годы Соединенное Королевство инициировало создание нового военно-политического объединения с участием Украины. Предполагается, что в него войдут двенадцать государств, среди которых Польша, страны Балтии, Венгрия, Румыния, Турция и ряд других партнеров. Основной замысел проекта связан с обеспечением дополнительных гарантий безопасности для Украины, не являющейся членом Североатлантического альянса и, соответственно, не подпадающей под действие статьи 5 Вашингтонского договора. Этот шаг свидетельствует о сдвигах в архитектуре международных отношений. На фоне углубляющегося геополитического раскола и растущего глобального противостояния формируются новые коалиции и центры силы, способные со временем изменить баланс влияния в Европе. В перспективе они могут ослабить роль традиционных институтов безопасности – НАТО и Европейского союза. Как отмечает Т.П. Пархалина «Среди государств это: Великобритания, Польша, Турция, которые все больше влияют на будущую конфигурацию европейской системы» [14. С. 3, 4]. Создание Великобританией нового формата военно-политического сотрудничества с участием Украины отражает зарождение параллельной системы коллективной безопасности, в которой традиционные евроатлантические институты постепенно утрачивают монополию на определение стратегических контуров Европы.

Для Североатлантического альянса по-прежнему ключевым противником выступает Россия; основная стратегическая установка направлена на снижение ее политического и военного присутствия в Европе и мире в целом. В контексте украинского конфликта одной из задач НАТО обозначается стремление «расколоть континентальную Европу и изолировать Россию». Французский исследователь Ж. Огар обращает внимание на необходимость прекращения боевых действий и восстановления диалога с Москвой, подчеркивая, что это возможно лишь при постепенном освобождении Европы от зависимости от тандема НАТО – ЕС. По его мнению, возвращение к открытым переговорам с Россией является необходимым условием построения обновленной системы европейской безопасности, отвечающей современным вызовам и угрозам [12. С. 228, 290]. Политика НАТО в украинском кризисе демонстрирует переход от концепции сдерживания к стратегии структурного переформатирования Европы, где контроль над взаимодействием с Россией становится инструментом сохранения западного доминирования в сфере безопасности.

Возникающая на фоне украинского конфликта архитектура союзов указывает на глубокую трансформацию стратегического пространства Европы, где

прежняя монополия НАТО и ЕС на определение параметров безопасности постепенно уступает место фрагментированной, многополярной системе взаимодействий. Великобритания, выступая инициатором новых военно-политических форматов, фактически закладывает контуры альтернативного центра силы, стремящегося переосмыслить логику евроатлантической зависимости и перераспределить контроль над механизмами коллективной обороны.

Геополитическая динамика конфликта на Украине. 14 апреля 2014 г. президентом Украины был подписан указ № 405/2014 «О решении Совета национальной безопасности и обороны Украины от 13 апреля 2014 г. «О неотложных мерах по преодолению террористической угрозы и сохранению территориальной целостности Украины»». Документом вводился режим так называемой антитеррористической операции, фактически обозначивший начало вооруженного противостояния на юго-востоке страны. Анализ динамики российско-украинских отношений в этот период позволяет утверждать, что после воссоединения Крыма с Российской Федерацией противники России на международной арене последовательно формировали стратегию, направленную на использование Украины как инструмента сдерживания и противодействия Москве в постсоветском пространстве. В долгосрочной перспективе эта политика могла предусматривать превращение Украины в плацдарм для прямого военного конфликта с Россией при поддержке западных стран в военной, экономической и дипломатической сферах [5. С. 71, 75]. Начало антитеррористической операции на Украине стало поворотным моментом, закрепившим превращение внутреннего политического кризиса в элемент крупномасштабной геополитической конфронтации, где сама Украина была институционально оформлена как инструмент внешнего сдерживания России.

Самороспуск Организации Варшавского договора и распад Советского Союза стали переломными событиями, радикально изменившими политическую карту мира. Завершение холодной войны, воспринятое западными странами как односторонняя победа, послужило толчком к расширению НАТО на восток. В результате международная система приобрела выраженно однополярный характер, а Североатлантический альянс фактически стал основным инструментом реализации глобальных интересов США, вплотную приблизившись к российским границам. В дальнейшем на Украине произошли ключевые политические события: в 2004 г. – «оранжевая революция», приведшая к приходу к власти прозападных сил, а в феврале 2014 г. – государственный переворот, получивший активную поддержку со стороны западных государств. Новое руководство страны взяло курс на интеграцию в Европейский союз и НАТО. Однако значительная часть русскоязычного населения Крыма и юго-восточных регионов отказалась признать легитимность смены власти. Реакцией Киева стала военная операция против собственного населения, сопровождавшаяся нарушениями основных гражданских прав и свобод [20. С. 251]. Распад биполярной системы и восточное расширение НАТО задали траекторию, при которой Украина из пространства

геополитического пересечения превратилась в арену прямого столкновения стратегий Запада и России.

Развертывание российско-украинского конфликта заметно трансформировало внутреннюю логику функционирования Европейского союза. На фоне кризиса постепенно выстраиваются новые контуры европейской архитектуры безопасности, в рамках которых, наряду с укрепившимися позициями НАТО и ЕС, начинают формироваться дополнительные, гибридные по характеру структуры. Эти образования не вступают в противоречие с действующими институтами, а скорее выступают их функциональным продолжением, создавая более сложную систему взаимодействий и взаимных гарантий [14. С. 4]. Эволюция европейской системы безопасности в условиях украинского конфликта проявляется в постепенном переходе от иерархической модели к сетевой, где ключевые институты дополняются гибридными механизмами координации и взаимного сдерживания.

После распада Советского Союза процессы расширения Европейского союза воспринимались в России с явным недоверием и настороженностью – не только на уровне политического руководства, но и в массовом общественном сознании. Подобное восприятие усиливало чувство потери прежнего геополитического статуса и вызывало стремление к восстановлению национального величия, что на символическом уровне воплощалось в идее «новой России» или «СССР-2.0». В краткосрочной и среднесрочной перспективе эти настроения привели к усилению напряженности во взаимодействии ЕС и России, что выразилось в росте нестабильности и возникновении зон потенциального конфликта в восточноевропейском регионе, как в новых, так и в традиционно чувствительных точках соприкосновения интересов. Идеологически кризис проявился и в переосмыслении самого принципа европейской идентичности. Девиз «Единство в многообразии», служивший выразителем общеевропейского идеала, начал утрачивать внутреннюю устойчивость. Фактически он перестал выполнять интегративную функцию и стал восприниматься как формула, утратившая прежний смысл – современная интерпретация древнего девиза *E pluribus unum*, обращенного к античным истокам европейского единства, оказалась неустойчивой в новых геополитических реалиях [7. С. 14-16]. Постсоветская трансформация восприятия Европы в России выявила кризис самой идеи общеевропейского единства, превратив «Единство в многообразии» из интеграционной формулы в символ нарастающего цивилизационного расхождения.

Украинский кризис стал не просто региональным конфликтом, а структурным изломом всей системы европейской и глобальной безопасности, в котором столкнулись конкурирующие модели мирового порядка – однополярная, закрепленная Западом, и зарождающаяся полицентричная, опирающаяся на принципы суверенной многополярности. Украина, утратив статус нейтрального буфера, окончательно превратилась в узловое пространство геополитического противоборства, где решается вопрос о будущем распределении силы, норм и легитимности в постбиполярной эпохе.

Россия и НАТО: контуры противостояния. На современном этапе все более отчетливо проявляется нарастающий геополитический и военно-политический дисбаланс между Россией и коллективным Западом. Восточный фланг НАТО приобретает завершенную конфигурацию, что в условиях усиливающегося противостояния между Россией и западными странами объективно ухудшает стратегические позиции нашей страны. Основные вызовы и потенциальные угрозы, возникающие в результате происходящих процессов, могут быть сгруппированы следующим образом: исчезновение геополитического буфера между Россией и странами западного блока, роль которого ранее выполняла Финляндия; усиление совокупной военной мощи альянса за счет новых участников; вероятность размещения на их территориях ядерных вооружений; а также риск блокирования Финского залива и Калининградского региона [16. С. 43, 50]. Расширение НАТО на северном направлении оформило новую стратегическую реальность, в которой исчезновение нейтральных зон и рост военного присутствия альянса превращают Балтийско-Североевропейский регион в ключевое пространство потенциального силового давления на Россию.

После того как Финляндия и Швеция заявили о намерении присоединиться к НАТО, президент Российской Федерации В.В. Путин отметил, что Россия не рассматривает данный шаг как непосредственную угрозу, поскольку с этими государствами отсутствуют конфликты. Подобная позиция демонстрирует, что даже в условиях общих напряженных отношений с Западом факт вступления соседних северных стран в альянс не воспринимается Москвой как прямое подрывание национальной безопасности. В этом контексте очевидно, что в текущем стратегическом восприятии России ключевым риском выступает не военный фактор как таковой, а более глубокая – цивилизационная – угроза, затрагивающая основы многонациональной культурно-исторической идентичности страны [4. С. 113, 114]. Реакция Москвы на вступление Финляндии и Швеции в НАТО показывает смещение акцентов российской стратегической парадигмы от оценки военных рисков к осмыслению угроз цивилизационного характера, связанных с сохранением национальной культурно-исторической целостности.

Воздействие на восприятие, эмоциональные реакции, поведение и систему ценностей противника становится одной из центральных задач современного конфликта. Когнитивное противоборство включает обширный набор средств – от инструментов пропагандистского и манипулятивного характера до использования технологий искусственного интеллекта, анализа больших данных и нейропсихологических методов, позволяющих прогнозировать и направлять общественные настроения. Современные подходы НАТО к информационным операциям ориентированы не только на обеспечение устойчивости собственных коммуникационных систем, но и на формирование благоприятной для альянса информационной среды за пределами его границ. Для этого активно развиваются партнерские связи с технологическими корпорациями, исследовательскими институтами и медиаплатформами, создаются долговременные механизмы стратегического воздействия, мониторинга и противодействия

дезинформационным кампаниям и когнитивным атакам [17. С. 103]. Когнитивное противоборство превращается в форму стратегического управления восприятием, где информационные и технологические инструменты становятся оружием, способным изменять политическое поведение обществ без прямого применения военной силы.

Понятие гибридной войны охватывает совокупность методов давления – военно-силового, политико-дипломатического, финансово-экономического, информационно-психологического и информационно-технического, а также использование технологий цветных революций, терроризма, экстремизма, действий спецслужб, подразделений сил специального назначения и структур публичной дипломатии, реализуемых в рамках единого стратегического замысла. В XXI веке наблюдается тенденция размыwania грани между состояниями войны и мира: вооруженные конфликты больше не сопровождаются формальными объявлениями, а их динамика развивается по нестандартным сценариям, когда политически и социально стабильное государство способно за короткий срок превратиться в арену масштабных боевых действий. Особое значение приобретает использование невоенных инструментов – политических, экономических, информационных и гуманитарных, которые становятся ключевым элементом современного стратегического противоборства [9. С. 21, 22]. Гибридная война представляет собой новую парадигму противоборства, в которой размывание границ между военными и невоенными средствами превращает саму политическую стабильность государства в уязвимое поле стратегического воздействия.

Современная конфигурация противостояния России и НАТО свидетельствует о переходе от классической военно-силовой конкуренции к комплексной системе гибридного давления, в которой пространство конфликта охватывает не только территорию, но и когнитивно-информационную сферу. Возрастающая технологизация и институционализация невоенных форм воздействия формируют новую стратегическую реальность, где безопасность государства определяется не протяженностью границ, а устойчивостью его цивилизационного кода и суверенитетом сознания.

Турция как особый актер в евроатлантическом пространстве. На протяжении длительного времени, будучи членом Североатлантического альянса, Турецкая Республика рассматривалась преимущественно как периферийный элемент системы НАТО, призванный обеспечивать безопасность ее юго-восточного рубежа и выполнять стратегические задачи альянса в приграничных регионах. Положение страны определялось через функциональную зависимость от интересов блока, что ограничивало самостоятельность турецкой внешнеполитической линии. Концепция, предложенная Ахметом Давутоглу, знаменовала переход к новому этапу внешнеполитического мышления. Она представляла собой целостную стратегию, нацеленную на трансформацию Турции из регионального исполнителя в самостоятельном геополитическом центре силы. Реализация данной программы предполагала последовательное укрепление влияния Анкары в масштабах Среднего и Ближнего Востока, черноморского

и средиземноморского пространств, а в дальнейшем – и на глобальном уровне. Речь шла не столько о пересмотре базовых принципов внешнеполитического курса, зафиксированных в официальных программах, сколько о корректировке приоритетов и методов его осуществления: акцент постепенно смещался от инструментов «мягкой силы» к использованию «жестких» средств воздействия – военно-политических и силовых [19. С. 111, 118]. Переход Турции от роли периферийного исполнителя в системе НАТО к статусу самостоятельного центра силы обозначил формирование новой модели внешнеполитического поведения, основанной на сочетании регионального лидерства и инструментов силового реализма.

Несмотря на декларируемую приверженность политике невмешательства, Турция неоднократно заявляла о готовности делиться опытом с другими государствами. Однако практика показала, что стратегия «мягкой силы», обеспечивавшая успех в предшествующий период, оказалась недостаточно эффективной в условиях роста угроз национальной безопасности. Обострение конфликтов в приграничных зонах требовало применения более решительных инструментов. Принятие доктрины «Голубая родина», основанной на идее морского лидерства Турции в восточной части Средиземного моря, а также укрепление военно-морского потенциала страны стали символами перехода к более активной и силовой модели внешнеполитического поведения. Эти шаги окончательно закрепили отказ Анкары от прежней доминанты «мягкой силы» и переход к политике жесткого отстаивания национальных интересов [1. С. 14, 15]. Эволюция турецкой внешней политики от доктрины «мягкой силы» к концепции «Голубой родины» обозначила переход Анкары к проактивному силовому реализму, где демонстрация военного потенциала стала ключевым инструментом утверждения национального лидерства.

Турция на протяжении последних лет активно выдвигает себя в качестве посредника в урегулировании конфликтов в различных регионах мира – от Ближнего Востока и Южного Кавказа до Балкан и Южной Азии. Российские тюркологи отмечают, что столь энергичная внешнеполитическая линия Анкары продиктована стремлением пересмотреть сложившийся баланс сил в Восточном Средиземноморье и Передней Азии, а также намерением укрепить влияние страны за счет расширения инструментов «мягкой силы». Посредническая активность Турции имеет и прагматическую составляющую: участие в урегулировании сложных и многоуровневых кризисов на европейском направлении способствует укреплению ее позиций внутри Североатлантического альянса. В глазах партнеров по НАТО Анкара постепенно утверждает за собой роль государства, способного эффективно продвигать интересы альянса в Центральной Азии и на Южном Кавказе [15. С. 12, 14]. Посредническая активность Турции превратилась в инструмент проекции силы, позволяющий ей сочетать образ нейтрального арбитра с функцией стратегического узла, связывающего интересы Запада, Востока и собственного регионального лидерства.

Несмотря на прямое вовлечение в боевые действия на территории Сирии, Турция стала одним из инициаторов и участников «Астанинского процесса». В рамках этого формата совместно с Россией и Ираном были заложены предпосылки для стабилизации ситуации в Сирии и создания политических условий, потенциально благоприятных для нормализации турецко-сирийских отношений. Украинское направление можно рассматривать как вершину эволюции турецкого посредничества: опыт, накопленный в Сирии, Ливии и Нагорном Карабахе, был использован в более широком масштабе. Особенностью подхода Анкары стало то, что предложения по мирному урегулированию и созданию переговорных площадок последовали практически сразу после начала конфликта, что продемонстрировало стремление Турции закрепить за собой статус самостоятельного и проактивного медиатора международных кризисов [11. С. 47, 50]. Опыт участия Турции в сирийском, ливийском и карабахском урегулировании позволил Анкаре институционализировать модель «оперативного посредничества», в которой дипломатия стала продолжением ее силовой политики и инструментом укрепления международного статуса.

Современная внешнеполитическая стратегия Турции отражает трансформацию государства из периферийного исполнителя евроатлантических установок в автономный центр силы, способный формировать собственные нормы регионального порядка. Сочетание инструментов силового реализма и формализованного посредничества позволило Анкаре превратить гибкость и противоречивость своей дипломатии в системный механизм расширения стратегической субъектности на пересечении интересов Запада, России и Ближнего Востока.

Треугольник Россия – Турция – НАТО: противоречия и точки соприкосновения. Взаимодействуя с западными партнерами, Турция выстраивает политику, направленную на балансирование влияния России, Китая и Ирана в Черноморском регионе, тогда как сотрудничество с Москвой используется ею для уравнивания позиций Запада и получения максимальных экономических выгод. Этот механизм взаимной компенсации интересов в экспертной литературе получил обозначение как «турецкий баланс». Примерами его практической реализации выступают участие Анкары в зерновой сделке, посредничество в переговорах между Россией и Украиной, инициатива создания канала «Стамбул», а также закрытие Черноморских проливов для прохода военных судов всех сторон. Перечисленные меры усилили международные позиции Турции, укрепили ее статус самостоятельного центра влияния и позволили продвигать геополитические и геоэкономические интересы страны на глобальном уровне [6. С. 19, 20]. «Турецкий баланс» оформился как особая стратегия многовекторного маневрирования, в которой Анкара использует противоречия между глобальными центрами силы не как ограничение, а как ресурс для укрепления собственной субъектности и расширения геополитического пространства влияния.

Для России ключевым направлением в региональной политике остается стремление укрепить партнерские отношения с Турцией и вывести ее из-под

избыточного влияния США, при том, что Анкара обладает вторым по мощи военным потенциалом в НАТО после Вашингтона. Наиболее рациональным путем достижения этой цели представляется развитие экономического взаимодействия и углубление сотрудничества в оборонно-технической сфере, учитывая зависимость Турции от поставок американского и европейского вооружения. При этом последовательное соблюдение Анкарой положений Конвенции Монтре рассматривается как прагматичный и взвешенный подход к поддержанию региональной стабильности. Гарантированное ограничение доступа военных кораблей третьих стран к Черному морю снижает риск эскалации и способствует сохранению конфликта в пределах управляемости существующими региональными силами [15. С. 77, 78, 80]. Российско-турецкое взаимодействие в Черноморском регионе приобретает характер стратегического прагматизма, при котором взаимная зависимость в экономике и безопасности превращается в инструмент сдерживания внешнего давления и сохранения регионального баланса сил.

После начала специальной военной операции вооруженных сил России на территории Украины роль Турции в системе международных отношений заметно возросла – ее политика приобрела особое значение как для США и Европейского союза, так и для Российской Федерации. Позиция Анкары остается противоречивой: турецкое руководство стремится сочетать элементы сотрудничества с Москвой с возможностью политического и экономического давления, используя угрозу расширения военной помощи Украине и усиления активности в сирийском направлении в качестве инструмента переговорного воздействия. Как отмечает Д.Б. Графов «Применяемую турецким руководством стратегию можно назвать мультиполярным балансированием, с использованием принципов «переговорной модели войны»» [16. С. 117, 139]. Турецкая стратегия многополярного балансирования превратила внешнюю политику Анкары в инструмент управляемой противоречивости, позволяющий одновременно извлекать выгоды из сотрудничества с Россией и сохранять маневренность в отношениях с Западом.

Внешнеполитический курс, проводимый Р.Т. Эрдоганом, отличается сочетание адаптивности, прагматизма и выраженной многовекторности, что делает для Турции типичными эпизоды дипломатических противоречий и кризисов с различными международными партнерами. Конфликт интересов между Москвой и Анкарой объективно создает препятствия для углубления двустороннего сотрудничества, формируя своего рода политические барьеры и зоны недоверия. Тем не менее, Турция сумела сохранить статус надежного экономического контрагента России, продолжая развивать торгово-инвестиционные и энергетические проекты, которые в новых геополитических условиях приобретают особое значение [17. С. 119, 122]. Политика Эрдогана превратила противоречивость турецко-российских отношений из фактора риска в ресурс стратегического маневрирования, где экономическое взаимодействие служит компенсатором политических разногласий.

Турецкая внешнеполитическая стратегия демонстрирует превращение противоречивости в инструмент конструктивного влияния, при котором гибкость дипломатии сочетается с точечным использованием экономических и военных рычагов для закрепления автономного статуса Анкары в меняющейся системе международных координат. В логике этого подхода Турция выступает не объектом внешнего давления, а архитектором регионального баланса, использующим напряженность между Россией и Западом как ресурс расширения собственной стратегической субъектности.

Будущее региональной безопасности и глобального порядка. Проблемы восстановления устойчивого уровня безопасности и политической стабилизации в Центральной и Восточной Европе, по-видимому, будут решаться за счет последовательного расширения Европейского союза и, вероятно, Североатлантического альянса. Подобная стратегия подразумевает формирование нового формата коллективной обороны и, в перспективе, создание постоянного консультативного механизма взаимодействия ведущих мировых держав – некоего современного аналога «Венского концерта» 1815 года. Эта идея фактически отсылает к попытке возродить принципы «венского международного порядка» – кратковременного антиреволюционного союза европейских монархий XIX века, что представляется достаточно спорным решением. При этом главными гарантиями безопасности западноевропейского пространства по-прежнему считаются НАТО и все еще не проявившая себя в полной мере Общая внешняя политика и политика безопасности ЕС (ESDP). В будущем, как представляется, неизбежно встанет вопрос о разработке более комплексной политической инициативы, направленной на переосмысление архитектуры континентальной безопасности. Одним из возможных шагов может стать проведение международной конференции на высшем уровне после завершения активных боевых действий, в рамках которой было бы целесообразно согласовать своего рода «Хельсинкский акт 2.0», адаптированный к современным реалиям европейского и трансатлантического пространства [18. С. 64, 73]. Возрождающаяся идея «континентального баланса» в обновленной форме отражает не столько стремление к институциональной стабильности, сколько поиск новых основ доверия в условиях эрозии старых механизмов безопасности и переосмысления роли коллективных структур в управлении континентальными рисками.

Эскалация украинского кризиса лишь усилила различия во взглядах ключевых государств Европы – Германии и Франции – на распределение ролей между НАТО и Европейским союзом в обеспечении региональной безопасности. Германия традиционно делает ставку на механизмы Альянса, рассматривая гарантии Соединенных Штатов как основу европейской стабильности. Франция, напротив, придавая значение роли НАТО и США, стремится продвигать концепцию «стратегической автономии» ЕС, добиваясь укрепления его оборонного потенциала и независимости в принятии решений. Поскольку эта концепция пока не получила полноценного институционального воплощения, НАТО остается основной структурой, объединяющей США и их союзников, тогда

как реализация проектов, связанных с созданием условной «армии европейцев», на данный момент представляется маловероятной [19. С. 140, 150]. Разногласия между Берлином и Парижем по вопросу соотношения ролей НАТО и Европейского союза демонстрируют формирование в Европе двойственной системы безопасности, где стремление к автономии неизбежно сосуществует с зависимостью от трансатлантических гарантий.

На дипломатическом уровне Индия продолжает придерживаться нейтральной линии в отношении конфликта на Украине. Ее позиция остается выверенной и независимой, что позволяет предполагать: даже при изменении хода или продолжительности боевых действий основа индийского подхода вряд ли подвергнется существенным коррективам. В свою очередь, Иран воспринял кризис как возможность укрепить стратегическое партнерство с Россией, рассматривая его в контексте противодействия западному влиянию. Это выразилось в заключении ряда экономических и военно-политических соглашений, в том числе в сфере энергетического сотрудничества [20. С. 30, 33]. Поведение Индии и Ирана в контексте украинского конфликта отражает тенденцию к формированию новой конфигурации мирового баланса, где незападные государства выстраивают собственные траектории стратегической автономии, не вписывающиеся в логику традиционных блоковых союзов.

Как отмечает М.А. Неймарк «Геополитический статус США как непререкаемого гегемона уходит в прошлое. Ключевые центры силы смещаются в сторону Незапада. Тем не менее ставка на силовое доминирование не исчезла из внешнеполитической стратегии Вашингтона. Американоцентричная игра по правилам оборачивается игрой без правил с непредсказуемыми геополитическими последствиями». Так, на фоне усиливающейся хаотизации мировой политики становятся особенно отчетливыми расхождения между Россией и объединенным Западом — как на уровне концептуальных установок, так и в практическом понимании направлений глобального развития. Все больше государств выказывают несогласие с существующей моделью мирового порядка, основанного на западных нормах и механизмах регулирования, переходя от конкурентного соперничества к открытому противостоянию. Этот процесс обозначает постепенный демонтаж прежней архитектуры международных отношений, опиравшейся на систему «правил», определяемых ограниченным кругом западных держав [13. С. 175, 178]. Формирующийся постгегемонистский порядок отражает сдвиг от иерархической модели международных отношений к полицентричной системе, где конкурирующие центры силы задают новые – партикулярные и подвижные – правила глобальной игры.

Формирующаяся мировая конфигурация отражает не восстановление старых балансов, а переход к динамической многополярности, в которой устойчивость обеспечивается не иерархией, а гибкостью взаимодействий между различными центрами силы. В этом контексте кризис западноцентричных институтов выступает не концом глобального порядка, а этапом его глубинной

перестройки – от нормативного единства к полицентрическому разнообразию стратегических интересов и моделей безопасности.

Система европейской безопасности вступила в фазу переконфигурирования, где привычная вертикаль НАТО/ЕС расщепляется на сеть перекрывающихся режимов – от британских инициатив «параллельной обороны» до турецкого «баланса» и когнитивно-информационных инструментов сдерживания, – вследствие чего распределение мощи перестает подчиняться логике блоков и начинает определяться управлением узлами сопряжения: морскими проливами, энергетическими коридорами, технологическими цепочками и когнитивными средами. В этой сетевой конфигурации Турция выступает автономным создателем нормативных контуров, Россия – Запад фиксируют линию системного разлома, а Европейский союз застревает между декларацией «стратегической автономии» и функциональной зависимостью от трансатлантических гарантий, что превращает саму архитектуру европейской безопасности в предмет торга между центрами силы, а не в заданную институциональную константу.

Глобальный контур задается переходом к постгегемонистской, полицентричной экосистеме, где Индия и Иран проводят собственные траектории стратегической автономии, а устойчивость достигается не наращиванием фронтов, а проектированием режимов управляемой эскалации и взаимных ограничений – «переменной геометрии» коалиций от Черного моря до Восточного Средиземноморья. Жизнеспособность будущего порядка будет определяться емкостью институциональной гибкости: способностью встроить «Хельсинки 2.0» сетевого типа в практики контроля конфликтно-динамических лестниц, обеспечить суверенитет над критическими потоками (энергия, данные, финансы) и защитить цивилизационный код от когнитивного воздействия, поскольку именно эти параметры, а не протяженность границ и тоннаж флотов, становятся главными переменными стратегической стабильности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Абидулин А.М., Кобяков А.П.** Подъем со «Стратегической глубины»: причины смены внешнеполитического курса Турции в 2015 году // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. 2025. Т. 11. № 1. DOI 10.30914/2411-3522-2025-11-1-9-17.
2. **Графов Д.Б.** Стратегия балансирования во внешней политике Турции // Вестник МГИМО-Университета. 2022. Т. 15. № 3. DOI 10.24833/2071-8160-2022-3-84-115-142.
3. **Гулиев О.Э.** Многовекторная внешняя политика Турции в контексте ближневосточных политических процессов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 1 (70). DOI 10.54398/1818-510X_2022_1_118.
4. **Евтехов Р.А.** Трансграничные пространства в системе восприятия угроз национальной безопасности России // Национальная безопасность / nota bene. 2022. № 6. DOI 10.7256/2454-0668.2022.6.39056.

5. **Иванков К.В.** Российско-украинские отношения в 2014–2022 гг.: основные геополитические измерения // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2023. Т. 1. № 1. DOI 10.55959/MSU0868-4871-12-2023-1-1-66-80.
6. **Ирхин А. А., Москаленко О.А., Демешко Н.Э.** «Турецкий баланс», или внешнеполитическая стратегия Турции в Черноморском регионе на фоне специальной военной операции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24. № 1. DOI 10.22363/2313-0660-2024-24-1-7-22.
7. **Князева С.** Формирование политики европейского союза на постсоветском пространстве: возможности и пределы // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2022. № 66 (82).
8. **Курылев К.П., Ндонго Н.Ж.М., Медина Г.К.В., Ранджбар М.Д., Се И.** Подходы стран глобального Юга к конфликту на Украине (2022–2024 гг.) // Постсоветские исследования. 2025. Т. 8. № 1.
9. **Мачнев И.П.** Сравнительный анализ современных концепций гибридной войны // Конфликтология / nota bene. 2024. № 3. DOI 10.7256/2454-0617.2024.3.71180.
10. **Мизин В.И.** Возможные сценарии России для будущей архитектуры безопасности в Европе // Постсоветские исследования. 2024. Т. 7. № 1.
11. **Мишин Л.Д.** Посредничество Турции как попытка встраивания в формирующуюся многополярность на примере Сирийских, Ливийских, Нагорно-Карабахских и Украинских конфликтов // Конфликтология / nota bene. 2024. № 3. DOI 10.7256/2454-0617.2024.3.71692.
12. **Неймарк М.А.** Украинский кризис: истоки, последствия и перспективы // Проблемы постсоветского пространства. 2024. Т. 11. № 4. DOI 10.24975/2313-8920-2024-11-4-284-291.
13. **Неймарк М.А.** Центробежные процессы и размежевания как мегатренд кризисной геополитики // Современная Европа. 2024. № 3 (124). DOI 10.31857/S0201708324030148.
14. **Пархалина Т.** Геополитический разлом и будущее системы европейской безопасности // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2022. № 67 (83).
15. **Рустомова Л.Р.** Возможности и ограничения Турции как посредника в российско-украинских переговорах // Право и управление. XXI век. 2022. Т. 18. № 3 (64). DOI 10.24833/2073-8420-2022-3-64-10-18.
16. **Смирнов П.Е.** Вступление Финляндии и Швеции в НАТО: геополитические последствия для позиционирования России в Балтийском регионе // Балтийский регион. 2023. Т. 15. № 4. DOI 10.5922/2079-8555-2023-4-3.
17. **Сорокин И.О.** Эволюция концепции информационной войны в нормативных правовых актах России, США и НАТО // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2025. Т. 15. № 2. DOI 10.26794/2226-7867-2025-15-2-99-113.

18. Тимофеев П.П., Хорольская М.В. Дилеммы европейской безопасности: сравнение подходов Германии и Франции к соотношению роли ЕС и НАТО в Европе после 2022 г. // Сравнительная политика. 2024. Т. 15. № 4. DOI 10.46272/2221-3279-2024-4-15-8.
19. Третьяк С.С. Концепция Ахмета Давутоглу «Стратегическая глубина»: теория и практика // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2022. Т. 8 (74). № 2.
20. Чолахян А.В., Чолахян В.А. Украинский кризис и современное международное право // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25. Вып. 2. DOI 10.18500/1819-4907-2025-25-2-250-256.
21. Яковлева Е.С. Архитектура безопасности Черноморского региона в контексте отношений России и НАТО // Символ науки: международный научный журнал. 2022. № 8-1.

К.А. LARIONOVA

Postgraduate of the Diplomatic Academy
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation;
JSC Rosatom Energy Projects, Project coordinator,
Moscow, Russia
SPIN-код 7435-7115
ORCID ID 0009-0003-5614-8215

SCIENTIFIC SUPERVISOR: R.N. SHANGARAYEV

Doctor of Political Science, Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor, Associate Professor of the Department of Strategic
Communications and Public Administration, Diplomatic Academy
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation;
Editor-in-Chief of the journal «Bulletin of
International Scholars,»
Moscow, Russia

COMPLEX GEOMETRY: RUSSIA, TURKEY, AND NATO IN THE CONTEXT OF THE WAR IN UKRAINE

The study reconstructs the evolving configuration of Euro-Atlantic security, demonstrating how the UK's «parallel defense» initiatives, Turkey's strategy of multi-vector balancing, and cognitive-informational instruments of influence are shifting the region from the NATO/EU hierarchical order toward a network-based mode of power distribution through «convergence nodes» – maritime straits, energy corridors, technological chains, and cognitive environments. The purpose is to analytically verify the shift toward post-hegemonic polycentricity amid the

Ukrainian crisis and to identify the role of Turkey as an autonomous norm producer, the EU as an institutional «border zone» between the declaration of strategic autonomy and transatlantic dependence, and the enduring systemic fault line of «Russia – the West.» Methodologically, the research relies on institutional and comparative analysis, elements of the network approach, and conceptual analysis of «hybrid warfare» and «cognitive confrontation»; the source base is limited to peer-reviewed publications and expert analytics. The scientific novelty lies in the theoretical and practical construction of the «nodal security governance» framework and in the operationalization of the «Helsinki 2.0» concept of a network-type mechanism for controlling conflict-dynamic ladders and ensuring sovereignty over critical flows (energy, data, finance). The findings demonstrate that the resilience of the emerging order depends not on the expansion of fronts but on the institutional flexibility of variable-geometry coalitions from the Black Sea to the Eastern Mediterranean. The practical significance is expressed in the proposed parameters for risk-containment policy and the calibration of trust regimes for states and integration entities operating amid the evolution of rules without a single center of coercion.

Key words: *post-hegemonic polycentricity, convergence nodes, parallel defense, Turkish balance, cognitive confrontation, hybrid warfare, EU strategic autonomy.*